

Цыпленок Табака

Евдокия ГЕРМАНОВА: Олег Павлович поставил мне диагноз: «Дуся, жить будешь»

ЖИВАЯ НАТУРА

В театральное училище она поступала шесть раз. Сезон проработала на Таганке, куда Юрий Любимов пригласил ее, увидев в любительском спектакле. Окончила курс Олега Табакова в Школе-студии МХАТ. С тех пор более десяти лет Евдокия Германова — актриса Театра-студии Табакова. В кино ее открыла режиссер Ольга Наруцкая, пригласив в свою картину «Нам не дано предугадать». Потом были «Ниагара», «Кикс», «Серп и молот», «Мусульманин».

Анна ЩЕРБИНА

Евдокия, чтобы встретиться с вами, пришлось мобилизовать все свои репортерские ресурсы. Простите, это сознательная работа на имидж?

— Во мне нет ложного кокетства: ах, я буду отказываться от интервью и тогда любое мое интервью будет на вес золота. Я знаю, что работа, которую делаю, — вот критерий. У меня был такой случай: пришла к Табакову и сказала, что хочу первый гонорар отдать в детский дом. Он сказал: «Дуся, если хочешь что-то сделать — ты делай, а не говори об этом». Потом я так и поступала. И, когда он недавно узнал о каких-то моих поступках, которые я не афишировала, сказал: «Дуся, диагноз:

жить будешь». Это важно — тоже опыт. Сейчас все больше позируют, жизнь подчиняют придумыванию все нового позирования, а сущность профессии, твоя самость пропадает. Выгодно тусоваться — и ты тусуешься, не замечая, как деградируешь — как шарик сдуваешься. Я же вижу это каждый день: еще не успел шариком стать, а уже сдулся. Во как. Сейчас я очень осторожна.

— Сейчас?

— Да, как ни странно. Очень легко «выдуться» куда-то не туда — ведь кажется, что уже можешь в профессии практически все, а это самое страшное.

— Не секрет, что ваши отношения с худруком складывались непросто...

— Я по характеру не подарок, не было роли, от которой я бы не отказалась сначала, но Табаков знает, что это не профессиональные выкрутасы. Слава богу, что моя влюбленность в этого человека никогда не перерастала в чисто женскую заинтересованность. Он всегда оставался учителем, гуру. У меня были романы, но это другие люди и другой счет. Когда за спиной шесть безрезультатных попыток поступления в театральные вузы, когда думаешь покончить с собой — тебе даруется человек, который в тебя верит, берет на курс, дает роль Жанны Д'Арк — начинаются другие отношения, вообще все другое. О нем столько разного говорят, и я ловилась на какие-то провокации, но тут же убеждалась: слова — это только слова, главное — поступки. И я их вижу, знаю. Уйти от Табакова я не могу и не хочу.

— Однако в свое время Олег Павлович уволил вас из театра.

— Попросту говоря, выгнал.

Это был урок — и для него тоже. Я не дрожу за свое место и играю не ради денег: сколько дают, столько и получаю. Я не карьеру здесь делаю, я душу сохраняю. «Карьеру» делаю в других местах: в кино у меня получается, в антрепризных спектаклях. Но я понимаю, что там получается, потому что я могу быть здесь. Здесь моя душа. Я защищена этим человеком.

— Актерские фетиши: удача, чудо, случай — и у вас?

— Чудо — это целенаправленное движение в одну точку, которое потом назовется чудом. Мне бог даровал Табакова — чудо, которое было запрограммировано: я настойчиво пыталась быть в этой профессии. И видно где-то там выше решили, что коль так хочет, пускай получит.

— До какой степени актер вправе «раздеваться» перед зрителем?

— Актерство предполагает обнажение души, но создание роли — это тяжелая работа, а не просто эмоциональный выплеск истерички или умопостроения философствующей девственницы. Опыт шестилетнего отчаяния, когда сам в себя не веришь, — это страшный опыт. И слава богу, что он у меня есть, — не знаю с чем бы я работала, с чем бы существовала в своей профессии. С одним большим самолюбием?

— Вы исключаете для себя женскую судьбу — семью, мужа?

— Ой, у меня характер сложный для семейной жизни. Я была замужем, но очень скоро поняла, что просто мучаю человека. И ушла. В разные периоды жизни у женщины, естественно, возникают разные мужчины. Но я поняла одну вещь: все хорошо не бывает. Не дает бог всего — чего-то лишает. Как это ни банально. И чепуха все эти счастливые семейные актерские пары — попытка хотя бы на людях выглядеть счастливыми. Бог дает одно, берет другое не потому, что жадный или люди этого не заслужили. Не в этом дело, а в том, что другие рецепторы начинают работать. Творчество не может родиться в состоянии покоя, счастья. Когда что-то не так — это мобилизует. Мне требуется одиночество, чтобы подзарядиться. Я рано поняла, что в этой жизни могу рассчитывать только на себя. В жизни люди

приходят, уходят, случаются более и менее удачные встречи, но главное, что остается, — работа.

— Бывают ситуации, когда не все зависит от трудолюбия и таланта актера. Вы боитесь «простоя», неостребованности?

— Не боюсь. Не боюсь «славы», которая за мной сложилась, человека, с которым тяжело работать. Такая слава пугает людей бесталанных.

— Что самое опасное в актерской профессии?

— Когда бог отнимает дос-

тоинство, он взамен ничего не дает. Боюсь потерять это качество. Тогда уже ничто не спасет. Мне трудно сформулировать, чего я хочу, но я совершенно точно знаю, чего не хочу и никогда не буду делать.

Такая мама сведет с ума не только сына-художника, но и всех мужчин (в спектакле «Еще Ван Гог...» Германова играет мать главного героя)